

Выход в свет рецензируемой книги В. И. Дулова является ценным вкладом в тот раздел советской исторической науки, который посвящен разработке вопросов истории отдельных народов СССР.

Совершенно непонятно, чем руководствовалось Издательство АН СССР, выпуская эту первую книгу по истории тувинского народа, численность которого составляет около 100 тысяч человек, таким небольшим тиражом. Эта, столь необходимая для рядового тувинского читателя книга становится библиографической редкостью уже в момент ее выхода. Неужели она издана только для узкого круга специалистов?

Л. П. Потапов

М. А. Сергеев. *Некапиталистический путь развития малых народов Севера*. Труды Института этнографии АН СССР, т. XXVII, М.— Л., 1955, 569 стр.

Одной из сложных задач, вставших перед Коммунистической партией и Советским правительством в ходе социалистического строительства в нашей стране, была задача приобщения к социализму, подъема на социалистических началах хозяйства и культуры так называемых малых народов Севера. Правильное решение этой задачи имеет важное теоретическое и практическое значение. Успешное осуществление социалистических преобразований на Крайнем Севере СССР является ярким подтверждением правильности известного положения В. И. Ленина о том, что с «помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

За годы Советской власти народы Крайнего Севера достигли огромных успехов в экономическом и культурном развитии. В результате проведенных под руководством Коммунистической партии социалистических преобразований, с помощью других народов Советского Союза, обеспечен подъем хозяйства северных народностей. Они располагают сетью школ, медицинских и культурно-просветительных учреждений, имеют значительную группу своей интеллигенции. В тундре и тайге созданы благоустроенные поселки, ставшие центрами хозяйственной и культурной жизни коренного населения Советского Севера.

Труд М. А. Сергеева является первой попыткой обобщить замечательный опыт социалистического строительства на Крайнем Севере СССР. На огромном, хорошо подобранном фактическом материале автор книги проанализировал культуру малых народов Севера в дореволюционный период, дал развернутую характеристику их исторической отсталости и показал конкретную обстановку, в которой Коммунистической партии пришлось проводить сложную работу по возрождению и переводу на социалистический путь развития самых отсталых народностей России. В этом заключается несомненная ценность рецензируемой книги. Вместе с тем нельзя обойти молчанием некоторые имеющиеся в ней спорные, а подчас и неправильные положения.

Автор со знанием дела показал значение оленеводческого хозяйства и его особенности по сравнению с промысловым, отметив, что эти типы хозяйства «распадались на две отличные друг от друга группы» (стр. 19). Вместе с тем, определяя специфику хозяйства Севера, М. А. Сергеев пишет, что «промысловое содержание производства составляет первую отличительную черту хозяйства малых народностей, характеризующую его примитивность», что «основой производства, на которой покоилась хозяйственная деятельность, являлись именно промыслы» (стр. 19)². Однако данные, приведенные автором на стр. 11, показывают, что 94,3% кочевых хозяйств и 21,1% оседлых занимались оленеводством. Учитывая, что безоленьные и малооленьные кочевники работали у богатых оленеводов (о чем в ряде мест правильно пишет автор), можно утверждать, что оленеводство являлось основой примерно половины общего числа хозяйств малых народностей Севера. Приводить это хозяйство оленеводов и промысловиков к общему знаменателю — «промысловой основе» и «промысловому содержанию производства» автору не следовало бы.

Отговариваясь, что к оценке книги М. А. Сергеева я подхожу с позиций практика. Вопрос об основе хозяйства Севера имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Теорией о «промысловой основе» народного хозяйства на Севере некоторые работники обосновывали перевод в конце 1930-х — начале 1940-х гг. существовавших там колхозов на устав рыболовецкой артели³. В связи с изменением уставной формы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 219.

² Следует, однако, отметить, что данные переписи 1926/27 гг. о валовом доходе, которыми оперирует М. А. Сергеев, во-первых, неточны, особенно по оленеводству; во-вторых, на основании только показателей по валовому доходу нельзя определять основу производства в целом для всех районов Севера.

³ В Ямало-Ненецком национальном округе из 90 колхозов 71 стали рыболовецкими; в Якутской АССР 262 колхоза были переведены на устав рыбоартели, а после исправления допущенных ошибок в этой республике осталось всего 16 рыболовецких колхозов.

основная рабочая сила колхозов была переключена с оленеводства и других отраслей хозяйства на добычу рыбы, был введен круглогодичный лов (малоэффективный зимой); оленеводские стада рассматривались как транспортная сила, призванная обслуживать нужды рыболовства, олени изнурялись на перевозках рыбы с глубинных озер и рек; снабжение членов рыбоартелей ставилось в зависимость от сдачи рыбы⁴.

В результате всего этого комплексность северного хозяйства нарушилась; поголовье оленей стало сильно сокращаться (в Ямало-Ненецкому округе с 1941 по 1945 г. оно сократилось на 136 тыс. голов, т. е. больше, чем на одну треть); экономическое положение населения ухудшилось.

Центральный Комитет партии и Советское правительство чутко отнеслись к сигналом о неблагоприятии в хозяйстве северных округов. Работники Центрального Комитета выехали на места. Совнарком РСФСР, Совнарком Союза ССР и ЦК партии, основываясь на учете всех особенностей районов Крайнего Севера, приняли постановление по Ямало-Ненецкому⁵, Таймырскому и другим национальным округам. В этих постановлениях осуждалась ошибочная практика огульного перевода колхозов на устав рыбоартели и указывалось, что в условиях Крайнего Севера колхозы могут развиваться только при комплексном сочетании всех отраслей хозяйства — оленеводства, пушного и рыболовецкого промыслов, причем подчеркивалось, что для населения ряда северных округов оленеводство является ведущей отраслью хозяйства. На основании этих постановлений проведена большая работа по исправлению допущенных ошибок.

Досадно, что в своем большом труде автор рецензируемой книги не нашел мест этому периоду в жизни колхозов Севера и указанным постановлениям центральных органов. Говоря об основе колхозного производства, он на первый план также выдвигает промыслы: «Основой современного колхозного хозяйства народов Севера служат исконные занятия населения — добывающие промыслы, охота и оленеводство» (стр. 429). В действительности основой хозяйства колхозов, как вытекает из постановлений ЦК партии, является комплексное многоотраслевое хозяйство; только оно обеспечивает наиболее полное использование природных богатств Севера.

В конкретных случаях автор правильно описывает комплексность хозяйства, но в целом посвященный этому вопросу раздел дан неудачно (стр. 443—446): не показано, какой хозяйственный комплекс сложился в колхозах разной уставной формы, какое влияние он оказал на развитие экономики северного хозяйства, не вскрыты резервы дальнейшего роста колхозов.

Отведя главенствующее положение промыслам, М. А. Сергеев устанавливает следующие основные типы хозяйства на Севере (стр. 12): рыболовецкое, охотничье, морское (зверобойное), оленеводческое продуктивного направления. Эти типы автор находит и в современном хозяйстве Севера («наблюдаются», «распространены», «свойственны» и т. д.). С этим согласиться нельзя.

В результате победы социализма создались новые общественно-экономические отношения, изменилось соотношение отдельных отраслей хозяйства, в частности, полеводство и домашнее животноводство в большой группе колхозов заняли ведущее место (так, в Ханты-Мансийском национальном округе создано 4 МТС). На севере сложились три типа колхозов: оленеводческий, промысловый и полеводческо-животноводческий.

М. А. Сергеев утверждает, что «кочевое хозяйство оленеводов... несравненно выше оседлого, чисто промыслового хозяйства рыболовов, морских или сухопутных охотников» (стр. 56). Для XVII—XVIII вв. это правильно, но для периода предреволюционного, который характеризует автором, такое определение неприемлемо и противоречит фактическому материалу, приведенному в книге. Оленеводческое хозяйство в основе оставалось натуральным (стр. 99), тогда как промысловое хозяйство имело сравнительно высокую товарность, что хорошо проиллюстрировано и самим автором (стр. 96—98). Главная масса промысловиков (рыбаков) была вовлечена в сферу капиталистических отношений. До революции на Оби ежегодно работало на рыбных промыслах до 1200 человек коренного населения. Большинство их фактически являлось наемными сезонными рабочими: они работали на угодьях, арендованных рыбопромышленником, и орудиями лова, принадлежащими ему же; получаемая плата за рыбу фактически являлась заработной платой. То же было на Енисее, на Амуре и других водоемах.

Перед Октябрьской революцией ясно определились две тенденции развития промысловых хозяйств: беднейшие из них превращались в поставщиков сезонных, а нередко и постоянных наемных рабочих; в богатых хозяйствах имелись лошади и коровы, был организован извоз, они владели рыболовными угодьями, которые сдавали в аренду, и т. д. Формы эксплуатации переплетались с некоторыми отношениями, свойственными

⁴ Имеются попытки объяснить все эти меры обстановкой военного времени; но, во-первых, этот процесс начался до войны, а в военное время он лишь быстрее развивался; во-вторых, если бы не было этих ошибок, страна и в военные годы могла бы получить гораздо больше продукции северного хозяйства.

⁵ См. постановление СНК РСФСР от 18/III 1945 г. № 174 — «О мероприятиях по улучшению хозяйства и культурно-бытового обслуживания населения Ямало-Ненецкого округа Тюменской области»; постановление ЦК ВКП(б) от 7/IV 1945 г. № 211—212 — «Вопросы Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б)» и постановление СНК СССР от 30/IV 1945 г. № 930 — «Об оказании помощи колхозам и населению Ямало-Ненецкого национального округа».

родовому строю, но у населения, занятого промысловым хозяйством, в массе уровень культурного развития был более высок по сравнению с оленеводами.

Автор дал противоречивое объяснение процессу имущественной дифференциации. «Имущественное неравенство,— пишет он,— складывалось у оседлого промыслового населения преимущественно на почве торговой деятельности. Посредничество во внутритерриториальном обмене и в торговле с пришлым купечеством было основным фактором накопления ценностей, появления новых средств производства, роста имущественной розни» (стр. 122). И далее: «Менее резкие, но все же заметные формы приняло имущественное неравенство в более изолированных, внутренних районах, у народностей, сохраняющих натуральный уклад. И тут оно происходило на почве посредничества в обмене между разнохозяйственными группами населения и в торговле с пришлым купечеством».

Неправильность этого положения очевидна. Опровергается оно, кстати, в другом месте книги самим автором. Он хорошо изложил специфические формы эксплуатации соплеменников обогатившейся верхушкой: захват лучших оленеводческих пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий (стр. 125—127), бесплатная работа малооплаченных и безоплаченных в хозяйствах крупных оленеводов (стр. 130), присвоение продукции охоты (стр. 137). Из этих фактов М. А. Сергеев сделал правильные выводы: «...средства подчинения бедноты носили в своей основе экономический характер» (стр. 138); «имущественное неравенство развивалось у малых народов на основе частной собственности на средства производства» (стр. 117). Но в том же абзаце он как бы зачеркивает эти правильные выводы, утверждая что «торгово-ростовщическая деятельность имущей верхушки, агентуры торгового капитала, явилась основным фактором отношений зависимости...» (стр. 117), что богатые хозяйства возникли «не на почве производства, а в сфере обмена, товарного обращения» (стр. 135).

Богатые хозяйства в большинстве не занимались торговой деятельностью, они создавали и увеличивали свои богатства через сферу производства, а не обращения. Часть хозяйств обогатилась еще в то время, когда пришлые купцы были случайными гостями, а внутренний обмен был слабо развит.

М. А. Сергеев хорошо показал, что слабо развитый обмен на Севере не вызвал обычных прогрессивных явлений (оживления экономической жизни), связанных с проникновением торгового капитала (стр. 102, 103, 106). Тем более непонятно отведение торговле ведущего положения в процессе имущественной дифференциации.

Во второй части книги («Национальное строительство у малых народов Севера») автор в историческом разрезе развернуто проанализировал период по 1937 г. В главе же 4-й, охватывающей время с 1937 по 1950 г., автор не показал, как в это время решались важнейшие вопросы об укреплении общественного хозяйства колхозов, о сочетании личных интересов колхозников с общеколхозными интересами, об организации и оплате труда и т. д. ЦК партии, правительства РСФСР и СССР за это время приняли ряд важных решений по отдельным национальным округам, по многим актуальным вопросам жизни Севера; эти постановления, основанные на учете изменившихся условий, определяли задачи дальнейшего развития хозяйства и культуры, в них нашли отражение жизненные нужды населения — повышение заготовительных цен на пушнину, установление прогрессивной оплаты труда в оленеводстве, развитие новых отраслей хозяйства и т. д. М. А. Сергеев, к сожалению, обошел молчанием эти важнейшие документы.

Советский период М. А. Сергеев освещает в историческом аспекте. Однако некоторые главы книги перегружены отдельными мелкими примерами, и в то же время обойдены серьезные недостатки и ошибки, допущавшиеся в прошлом, а в разделе о современном положении автор даже не поставил вопроса о многих еще не решенных задачах социалистического строительства на Севере.

Автор правильно определил большое значение моторно-рыболовецких станций — МРС, или, как называли, МПС (стр. 356). Но ему следовало указать на ошибки, допущенные при организации МРС и исправленные только после вмешательства ЦК партии и Совнаркома СССР. Эти ошибки заключались в основном в следующем. В 1942—1943 гг. у колхозов, обслуживаемых МРС, были изъяты мелкий гребной флот и орудия лова, а это лишило колхозников возможности добывать рыбу для личного потребления и на корм собакам. Совнарком СССР в 1945 г. предложил Наркомату рыбной промышленности изменить этот порядок, помочь колхозам обзавестись собственным гребным флотом, неводами, сетями и т. д. В рыбоартелях, обслуживаемых МРС, при распределении денег за сданную рыбу, 70% поступало рыбаку, 20% шло на оплату МРС, 2% — на взносы Рыбакколхозсоюзу, 7% — на управленческие и другие расходы. Остававшегося одного процента отчислений от полученных за рыбу денег было мало для покрытия транспортных и других расходов, связанных с добычей рыбы, и колхозы не только ничего не вносили из основного дохода в неделимые фонды, но им приходилось покрывать убытки рыболовства за счет доходов от других отраслей хозяйства. Это ущемляло интересы колхозников, занятых в сельском хозяйстве и оленеводстве, тормозило рост общественного хозяйства.

Еще пример. М. А. Сергеев, освещая на десятках страниц положение народного образования на Севере, утверждает, что «всеобщее обучение протекало очень успешно» (стр. 382). Действительно, сделано исключительно много по строительству школ, по охвату детей обучением и т. д. Но потребовалось много времени, чтобы правильно решить вопросы организации учебного процесса. В начальной национальной школе Севера

на изучение русского языка отводилось меньше часов, чем в русской школе. Из-за плохого знания русского языка многие учащиеся не переходили в 5-й и следующие классы, некоторые отсеивались из средней школы. Введением пятилетнего срока начального обучения эта проблема была решена.

Можно привести и другие примеры, когда, оперируя средними цифрами, отдельными фактами, М. А. Сергеев недостаточно глубоко подошел к ряду вопросов, снизив этим ценность своего труда. Малые народности Севера в короткий срок прошли замечательный путь. Огромнейшие успехи хозяйственного и культурного строительства на Севере будут еще нагляднее, если мы покажем, как они достигались — в борьбе противоположных тенденций, в исканиях более правильного решения задач в таком большом, сложном и новом деле, при котором были и ошибки, но чуткое отношение партии и правительства к народам Севера обеспечивало быстрое исправление этих ошибок и изживание их последствий.

М. А. Сергеев разработал нужную тему. Богатый опыт социалистического строительства на Севере, несомненно, требует научного обобщения, и в большинстве разделов автору это удалось. Партийным, советским и хозяйственным работникам Севера нужна книга, помогающая увереннее подходить к решению стоящих перед ними задач. Будем надеяться, что М. А. Сергеев, так много потрудившийся на Севере, самокритично пересмотрит свой труд, устранит все мелкое, ненужное, противоречивое и будет более объективен в оценке некоторых явлений жизни Севера.

М. М. Броднев

Преображенный край. Сборник. Магадан, 1956, 400 стр.

Рецензируемый сборник знакомит читателя с одной из самых отдаленных окраин нашей Родины — с Чукотским национальным округом. Сборник состоит из двух частей. В первой содержатся статьи, освещающие вопросы географии, истории, экономики и культуры округа. Вторая, меньшая часть, содержит очерки и стихи о Чукотке.

Сборник открывается большой и содержательной статьей А. Т. Реутт «Физико-географический обзор», в которой автор дает цельную и исчерпывающую характеристику географии этого края. В статье рассматриваются положение и границы Чукотского моря, строзние поверхности, реки и озера, климат, почвы, условия вечной мерзлоты, растительный покров, животный мир, ландшафты Чукотки. Статья заканчивается списком литературы, использованной автором. Это первое в географической литературе систематическое описание Чукотского национального округа. В статье много таких подробностей, которых в опубликованных работах более раннего периода, посвященных этому району, не было, да и не могло быть, так как всестороннее изучение географии Чукотки развернулось лишь в советское время. Жаль, что автор не предположил своей весьма интересной статье хотя бы краткого изложения истории географического изучения Чукотки. Это дало бы читателю представление о том, что стирание «белых пятен» на географической карте Чукотки, выявление и изучение полезных ископаемых, флоры, фауны и других природных богатств ее — труд и подвиг советских ученых, проделанный ими в весьма короткое время.

Всестороннюю оценку статье А. Т. Реутт дадут, конечно, специалисты-географы; мне хочется отметить лишь некоторые досадные пропуски. Так, например, говоря об островах Чукотского округа, автор не упоминает острова Шалаурова (Ай'авыткон); не упомянуты и некоторые значительные реки, например, Млелювэем, Ичувэем, впадающие с востока в Чаунскую губу. Карта, приложенная к сборнику, не восполняет этих пробелов.

В статье В. Г. Цвангер «Население Чукотки» прослеживается история движения населения Чукотки с древнейших времен до наших дней. Остановившись довольно подробно на заселении человеком Чукотки, автор неожиданно переходит к вопросу об обмене между племенами Чукотки, об образовании ярмарок в XIX столетии и, в связи с этим, дает характеристику населения таких пунктов, как с. Марково, Ново-Мариинский пост. Очень берло автор останавливается на составе населения некоторых поселков, расположенных по побережью Берингова и Чукотского морей.

Касаясь вопросов движения населения Чукотки в советское время, В. Г. Цвангер обращает внимание читателя на изменения в структуре населения, которые происходили одновременно с развитием промышленности за последние десять лет. В общих выражениях она дает характеристику населенных пунктов Певек, Анадырь, Эвэкинот, что далеко не исчерпывает того нового в организации населенных мест, что появилось за последние 10—15 лет на Чукотке. Известно, что в прошлом около 60% населения Чукотки составляли кочевники-оленоводы. Напрасно читатель будет искать в этой статье ответа на такой вопрос: какова судьба этих кочевников? В статье ничего не говорится о возникновении новых населенных пунктов и расширении старых в результате сселения бывших кочевников. Вообще в статье нет никаких данных о кочевом населении Чукотки, о его расселении в прошлом, о том, что произошло с оленеводами-кочевниками в результате социалистических преобразований в оленеводческом и приморском хозяйстве чукчей. Нет ничего в статье и о национальном составе населения Чукотки, о его численности и расселении по районам. Чукчи, эскимосы, эвены и другие народности обозначаются одним общим термином «коренное население». Состав местного населения по социальному положению заметно изменился в связи с переходом на оседлость, с